

А. В. Лялина, А. П. Плотникова, К. Ю. Волошенко

МИГРАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА? КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭКСКЛАВ РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.04.2024 г.

Принята к публикации 18.05.2024 г.

doi: 10.5922/vestniknat-2024-2-3

Для цитирования: Лялина А. В., Плотникова А. П., Волошенко К. Ю. Миграционная трансформация или перезагрузка: Калининградский эксклав РФ в новых условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные науки. 2024. №2. С. 33–56. doi: 10.5922/vestniknat-2024-2-3.

Миграционные процессы в российских регионах развиваются под воздействием стремительно меняющихся внешних и внутренних условий, первоначально связанных с ограничением распространения пандемии COVID-19 в 2020 г., затем с преодолением ее последствий в 2021 г., и, наконец, с изменениями во внешнеполитических взаимодействиях и санкционными войнами, усилившимися в 2022 г. Калининградская область, расположенная на западных рубежах страны в окружении уже недружественных стран, входящих в блок НАТО, сегодня сталкивается не только с нарастанием внешнеполитических рисков, но и со значительно более серьезным ухудшением экономической ситуации, чем многие другие территории России, по причине сильной зависимости от импорта и транзита. Некогда высоко привлекательный для мигрантов приморский регион сегодня стремительно утрачивает свою привлекательность на фоне трансформации факторов миграции. Являются ли эти изменения коренными или носят временный характер? Этот вопрос положен в основу настоящей статьи. Авторы, проследив месячную динамику внешней и внутренней миграции, предпринимают попытки выявить и обосновать наиболее яркие проявления реагирования миграционных процессов на изменение внешних и внутренних условий в 2020–2023 гг. Использовались данные Росстат и оперативные данные Калининградстат, в том числе полученные по запросу. Исследование показало, что изменения в миграционной обстановке как на уровне региона в целом, так и на локальном уровне, в первую очередь, связаны с ослаблением действия фактора «моря» и экологии и наращением влияния иных, главным образом, экономических и геополитических факторов. В условиях стабилизации социально-экономической обстановки в регионе и стране в целом, миграционная привлекательность Калининградской области опять возрастет, однако, с учетом сокращения миграционного потенциала большинства регионов РФ, вероятно, она будет касаться только отдельных категорий мигрантов (например, пенсионеров).

Ключевые слова: миграция, пандемия, COVID-19, геополитические риски, внутренняя миграция, репатрианты, Калининградская область

Введение и постановка проблемы

Калининградская область, как и многие другие регионы России, особенно ее Западного порубежья, испытывает кардинальные изменения внешних и внутренних условий развития, которые непосредственным образом сказываются на изменении миграционной обстановки. По данным региональной статистики, сальдо миграции населения после рекордного роста в 2021 г. продемонстрировало более чем двукратный спад в последующем 2022 г. Первоначальный всплеск миграционной популярности Янтарного края был связан с закономерным изменением факторов миграции населения с экономических на социальные. Пандемия COVID-19 актуализировала выбор региона по причинам улучшения качества условий проживания, прежде всего, с точки зрения природы, климата и экологии. Однако, с началом Специальной военной операции (далее — СВО) России на Украине на первый план вышли иные факторы. Влияние оказало ухудшение общей экономической ситуации в стране с последовавшим за ним падением курса рубля относительно мировых валют и в регионе, в том числе по причине его высокой импортозависимости, обострение военных и геополитических рисков вокруг региона, сопровождаемое наращиванием военного присутствия сил НАТО в сопредельных странах, ограничением транзита товаров в регион через территорию Литвы. Традиционно Калининградский эксклав острее реагирует на кризисы, демонстрируя более глубокое падение и замедленный выход из него. Так, например, по уровню инфляции область в течение трех лет (2021 — 2023) находилась в двадцатке регионов лидеров (наравне с Забайкальским краем)¹, а индексы обрабатывающих производств² в регионе составили 93,5 и 79,5 % в 2020 и 2022 г. соответственно при 101,3 и 100,3 % в среднем по регионам РФ.

Определенное значение имеет также нарастание антироссийских настроений в обществе в странах Запада, сопровождаемое зачастую откровенно ксенофобскими проявлениями. Это создает условия для формирования встречного потока иммигрантов (прежде всего, соотечественников, репатриантов) из этих стран в направлении российских регионов. И Калининградская область, являясь западными воротами страны, имеющая длительную историю миграционного взаимодействия со странами Запада (организованное переселение немецкого населения на территорию Германии в послевоенный период, привлечение соотечественников из Прибалтики, транзитная миграция немцев из российских регионов и Казахстана в Германию) имеет все шансы на активное включение в данные процессы.

Очевидно, происходящие изменения нельзя считать завершенными, однако, наблюдаемая высокая волатильность сальдо миграции в эксклаве актуализирует вопрос: являются ли эти изменения отражением кардинальной трансформации миграционной ситуации в регионе с благоприятной на неблагоприятную, или они свидетельствуют о перезагрузке миграционной обстановки в регионе? При этом под перезагрузкой мы

¹ Индексы потребительских цен на товары и услуги // ЕМИСС. 2024. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 21.03.2024).

² Индекс производства (ОКВЭД2) ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57807> (дата обращения: 02.09.2023).

понимаем временное (в краткосрочной перспективе) сокращение сальдо миграции (возможно даже «уход» в зону отрицательных значений), которое может сопровождаться изменением факторов, направлений, структуры миграционных потоков с последующим полным восстановлением предшествующей позитивной динамики миграционного прироста.

Попытка осмысления ответов на этот вопрос на основе анализа помещаяной динамики показателей въезда, выезда и сальдо миграции изложена в данной статье. Цель исследования, в свою очередь, определяется последующим обоснованием обусловленности выявленных изменений характеристик миграционной обстановки в Калининградской области его социально-экономическим развитием в новых условиях.

Обзор исследований

Миграционная ситуация в России претерпела кардинальные изменения в связи с пандемией коронавируса в 2020—2021 гг. и началом СВО России на Украине в 2022 г. Закрытие государственных границ, приостановка международного транспортного сообщения, ограничительные меры внутри страны; затем — санкционная политика западных стран, сложности с банковскими денежными переводами сильнее всего отразились на внешних трудовых мигрантах, составляющих большой процент от всех мигрантов, пребывающих в Российскую Федерацию.

Влияние пандемии COVID-19 связано, прежде всего, с сокращением числа международных прибытий в Россию как на постоянное место жительства, так и с целью временного пребывания [1; 2]. Пандемия COVID-19 значительно снизила интенсивность миграционного взаимодействия с иностранными государствами: наиболее интенсивно в направлении стран дальнего зарубежья, и наименее интенсивно — со странами Центральной Азии, откуда приезжает самое большое количество трудовых мигрантов [3—5]. Несмотря на то, что миграционный потенциал из этих стран фактически исчерпывает себя в последние годы, лидерами по притоку иммигрантов традиционно остаются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а также Беларусь. Доля трудовых мигрантов сократилась из Казахстана, Азербайджана, Армении, Молдовы и Украины [1; 6]. Для стран ЕАЭС сокращение миграционных потоков (трудовых и учебных) оказалось значительно ниже, чем для других государств, в том числе из-за наличия ряда преференций для стран-участниц [7].

Эксперты также отмечают, что на фоне ограничительных мер в период пандемии COVID-19 и начала СВО России на Украине существенно сократился приток мигрантов в Россию из стран Балтии, а миграционные потоки из стран СНГ начали переориентироваться на страны Закавказья, Турции, Восточной Азии, Ближнего Востока и Европейского союза [1]. Трансформация миграционных потоков и большая ориентация мигрантов из Центральной Азии на европейское направление обусловлена как ограничительными мерами, так и западными санкциями, которые способствовали сокращению объемов денежных средств и их вывода за рубеж [8].

После начала СВО России на Украине, миграционные потоки уезжающих из России граждан также связаны со странами постсоветского пространства, преимущественно Казахстаном, Грузией, Арменией, Азербайджаном, Кыргызстаном, что спровоцировало спрос на национальные валюты, переводы денежных средств и укрепление экономик принимающих стран. Отток населения затронул преимущественно молодых высококвалифицированных специалистов в таких сферах, как IT, наука, дизайн [1; 9; 10]. Входящий поток мигрантов главным образом охватывал мигрантов из Украины, однако он почти не сказался на сальдо, поскольку соответствовал числу выбытий [11]. Наибольшая нагрузка со стороны беженцев из Украины приходится на приграничные регионы центра и юга России [12].

Пандемия COVID-19 отразилась также и на межрегиональной миграции внутри России. Внутространовые перемещения населения были связаны в большей степени с экономическими мотивами. Так, например, медицинские работники направлялись в Москву, где были установлены более высокие ковидные выплаты¹.

Такие изменения объемов прибытий и выбытий, географии распределения миграционных потоков на постсоветском пространстве привели к рекордному снижению сальдо миграции населения в 2020 г. и 2022 г. [1; 2] Справедливо, однако, также отметить, что отчасти низкое сальдо миграции 2022 г. (и высокое 2021 г.) обусловлено исключениями в учете выбытий мигрантов в страны СНГ [13] согласно Указу Президента РФ², продлевающего сроки пребывания и проживания в России иностранных граждан (из-за последствий пандемии COVID-19).

Изменение миграционной обстановки, прежде всего, в отношении временной трудовой миграции, отразилось на развитии регионов России. Так, сокращение притока трудовых мигрантов в период пандемии COVID-19 из-за закрытия границ и ограничений международного транспортного сообщения повлияло на сферу сезонных сельскохозяйственных работ, дорожную и строительную сферу, жилищно-коммунальное хозяйство, сферу сборки и сортировки товаров и торговлю, транспорт, то есть те сферы, где доля иностранной рабочей силы традиционно была высока [6; 14; 15]. Произошло значительное сокращение рабочих мест, в особенности там, где преобладала иностранная рабочая сила [6]. В то же время на фоне сокращения числа рабочих в этих сферах, оно увеличилось в доставке, курьерской службе, такси и интернет-сервисах [16]. Остро дефицит рабочей силы ощутили на себе как регионы Европейской части России (преимущественно юга и черноземной зоны), так и Сибири (например, Томская область) [1].

¹ «Коронавирусные надбавки» высасывают медицинские кадры из регионов в Москву // МедиаНьюс. 20.05.2020. URL: <https://news-ru.turbopages.org/news-ru/s/investigations/koronavirusnye-nadbavki-vysasyvayut-medicinskie-kadry-iz-regionov-v-moskvu/> (дата обращения: 22.03.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 15.06.2021 г. №364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

Трансформация миграционных потоков повлияла на возникновение ряда угроз. На фоне появившихся в результате пандемии экономических трудностей многие сферы деятельности снизили спрос на рабочую силу мигрантов, из-за чего последние оказались перед угрозой потерять работу, средства к существованию и жилье без возможности выехать домой. Возникли теневые сферы занятости, не регулируемые российским законодательством. Россия также потеряла часть иностранных работников, которые не смогли приехать в страну на заработки, простимулировав тем самым дефицит рабочей силы в определенных отраслях [6; 17]. Появилась угроза прекращения поступления денежных средств в страну от официально работающих мигрантов, в том числе подоходного налога [14]. Перманентным вызовом также стала концентрация в приграничье безработных мигрантов, не имеющих возможности вернуться на родину [18].

Ответом на эти проблемы стали изменения в миграционной политике России, направленные на урегулирование правового положения мигрантов, которые не имеют возможности выехать на родину. Политика включала, прежде всего, пролонгацию действия разрешительных документов [17; 19].

Дефицит рабочей силы, связанный с сокращением притока трудовых мигрантов в связи с ухудшением экономической ситуации в России после начала СВО России на Украине, наравне с другими причинами, продолжает сказываться на росте потребности в кадрах крупных и средних предприятий страны [20].

Изменение миграционной обстановки в Калининградской области уже отмечалось в ряде научных и публицистических статей. В частности, в период пандемии COVID-19 (первое полугодие 2020 г.) интенсивность международной миграции сокращалась, в то время как сальдо межрегиональной миграции росло, а объемы привлекаемой иностранной рабочей силы в этот же период сократились значительно меньше, чем в среднем по стране (-5 % против -34 %) [32]. В период 2020–2021 гг. выросла результативность межрегиональной миграции, а ее доля в сальдо миграции возросла до 60-70 % [21]. В 2021 г. в области зафиксировано рекордное за постсоветскую историю региона сальдо миграции [22]. Исследователи связывают это с ростом туристической привлекательности эксклава (на фоне импортозамещения отдыха россиян), которое способствовало не только ускоренному развитию региона, но также повышению его узнаваемости и популярности среди мигрантов [21]. Эксперты [23; 24] отметили, что в период пандемии COVID-19 сальдо миграции населения наиболее заметно сократилось в экономическом (и промышленном) центре региона — Калининграде и соседнем Гурьевском муниципальном округе, но выросло в приморских курортных муниципалитетах, в том числе в сельской местности. Восточная периферия области в этот период демонстрировала сокращение внутрирегионального оттока населения.

Несмотря на отсутствие научных публикаций об изменениях миграционной обстановки в регионе в 2022 г., ее специфика неоднократно отмечалась представителями власти и экспертным сообществом. В частности, в регионе разработан законопроект, предполагающий

дополнительную поддержку репатриации соотечественников в Калининградскую область, как ответ на рост заинтересованности в переезде в самый западный регион РФ из недружественных стран^{1,2}. Падение курса рубля относительно мировых валют в 2022–2023 гг., равно как и ухудшение экономической ситуации в регионе сказалось, в частности, на сокращении численности трудовых мигрантов, вследствие чего калининградские компании в сферах строительства, общепита, клининга испытывают дефицит кадров³. Снижение притока переселенцев из других регионов РФ в этот период связан, по мнению экспертов⁴, также с ухудшением общей экономической обстановки в регионе, а кроме того закрытием границ.

Таким образом, при довольно тщательном описании динамики миграционной ситуации, в том числе помесечной (поквартальной), в 2020–2023 гг. на уровне страны на сегодняшний день отсутствует подобный анализ происходящих изменений в миграционной обстановке на уровне региона. Внимание к регионам Западного порубежья, которые сегодня сталкиваются с наибольшими вызовами их развитию, в целом и миграционной обстановки в частности определяет выбор Калининградской области, в качестве территории исследования.

Методы и материалы

В методологическую основу исследования входят общенаучные (обобщение, сравнение) и статистические методы анализа. Информационную базу для исследования составили помесечные данные Калининградстата о численности прибывших, выбывших, сальдо миграции населения Калининградской области за период 2019–2023 гг., публикуемые в ежемесячных докладах «Социально-экономическое положение Калининградской области». Также использовались оперативные данные о демографических процессах в регионе, размещенные в открытом доступе на сайте Калининградстата (<https://39.rosstat.gov.ru/population>). Для анализа географии миграционных потоков на уровне областных муниципалитетов применялись данные Базы данных показателей муници-

¹ Русские из Германии завалили запросами власти Калининградской области // Русский Запад. 22.11.2023. URL: <https://ruwest.ru/news/136388/> (дата обращения: 21.03.2024).

² Власти намерены компенсировать репатриантам расходы на «социальную адаптацию» // Новый Калининград. 10.03.2024. URL: <https://m.newkaliningrad.ru/short/2024/03/10/24084137.html> (дата обращения: 21.03.2024).

³ Трудовые мигранты покидают Калининградскую область: кто их заменит // ФедералПресс. 18.01.2024. URL: <https://fedpress.ru/article/3292849> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ «Немиграционное настроение»: как и почему сократилась волна переселения в Калининградскую область // Калининград.Ru. 30.11.2023. URL: <https://kgd-ru.turbopages.org/kgd.ru/s/news/society/item/107024-nemigracionnoe-nastroyenie-kak-i-pochemu-sokratilas-volna-pereseleniya-v-kaliningradskuyu-oblast> (дата обращения: 21.03.2024).

пальных образований Росстат. Сравнение динамики показателей проводилось относительно 2019 г., который был взят в качестве «базового», свободного от влияния рассматриваемых вызовов развитию региона.

Для оценки пространственных особенностей межмуниципальной связанности применялась методика коэффициентов интенсивности миграционных связей (далее — КИМС) Л. Л. Рыбаковского [25] на основе данных о межмуниципальной миграции в Калининградской области в 2019–2022 гг. (статистическая форма t_pt2n — «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия»), полученных по запросу в Калининградстат. Согласно методике КИМС Л. Л. Рыбаковского, были рассчитаны средние значения коэффициентов интенсивности межмуниципальных миграционных связей для муниципалитетов Калининградской области за 2019–2022 гг. по валовой миграции.

Коэффициент интенсивности миграционных связей между муниципалитетами рассчитывался по формуле [25]:

(1)

где K_{ij} — коэффициент интенсивности миграционных связей (КИМС),
 V_{ij} — скорость миграции с i -го района в j -й район вселения,

d_i — удельный вес i -го района выхода в суммарной численности населения всех районов,

M_{ij} — численность прибывающего населения из i -го района переселенцев в j -й район вселения,

$\sum M_{ij}$ — численность прибывающего населения в j -й район вселения,

S_i — численность населения i -го района выхода,

$\sum S_i$ — численность населения всех i -х районов переселенцев.

Для анализа и структурирования выявленных миграционных связей нами была использована классификация КИМС Л. Л. Рыбаковского [26]: высокие — более 2,50; повышенные — 1,25–2,49; средние — 0,80–1,24; заметные — 0,40–0,79; несущественные связи — менее 0,39.

Результаты сопоставлялись с полученными нами ранее результатами для периода 2011–2018 гг. [22].

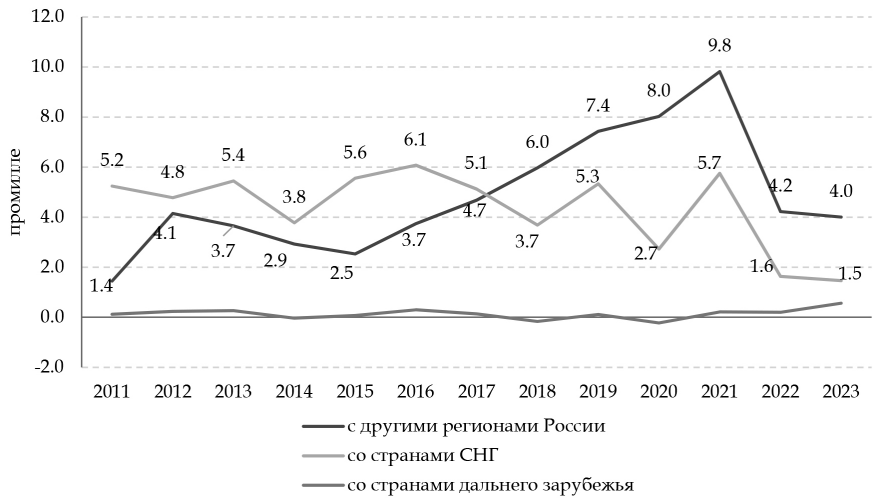
Результаты

Миграционная ситуация в Калининградской области: годовые данные

Калининградская область в XXI в. демонстрирует растущую миграционную привлекательность (рис. 1). На протяжении последних 10 лет (2014–2023) она входит в десятку регионов-лидеров РФ по относительным показателям сальдо миграции. Миграционный компонент является важнейшим источником пополнения численности населения эксклава, его трудовых ресурсов. Так, за 2011–2023 гг. количество жителей региона приросло мигрантами почти на 120 тыс. человек, полностью компенсировав естественную убыль населения в 31 тыс. человек. В целом, миграционная обстановка в Калининградской области в последние годы характеризуется благоприятной возрастно-половой структурой вновь

прибывшего населения, высоким уровнем миграционной связанности с другими регионами РФ при достаточно тесной вовлеченности в международный обмен [23].

Калининградской области в 2010–2023 гг.: а – saldo миграции;
б – валовая миграция

Источник: Калининградстат.

Основными факторами притяжения мигрантов выступают благоприятные природно-климатические условия (прежде всего, близость к

морю) и экологическая обстановка, историко-культурное наследие области и образ красивого и зеленого города Калининграда при общей компактности региона в целом, социальные связи мигрантов [30; 31]. Немаловажную роль, чаще всего для жителей российских регионов, играют также градиенты в стоимости жилья в регионе исхода и Калининградской области. Дополнительно для мигрантов из стран ближнего зарубежья значение имеют возможности заработка в области. Несмотря на снижение контактной функции границы близость к Европе сохраняет свою актуальность для некоторых категорий мигрантов (ИТ-специалистов, транзитных мигрантов) [27].

Миграционная обстановка в новых условиях: помесячная динамика

41

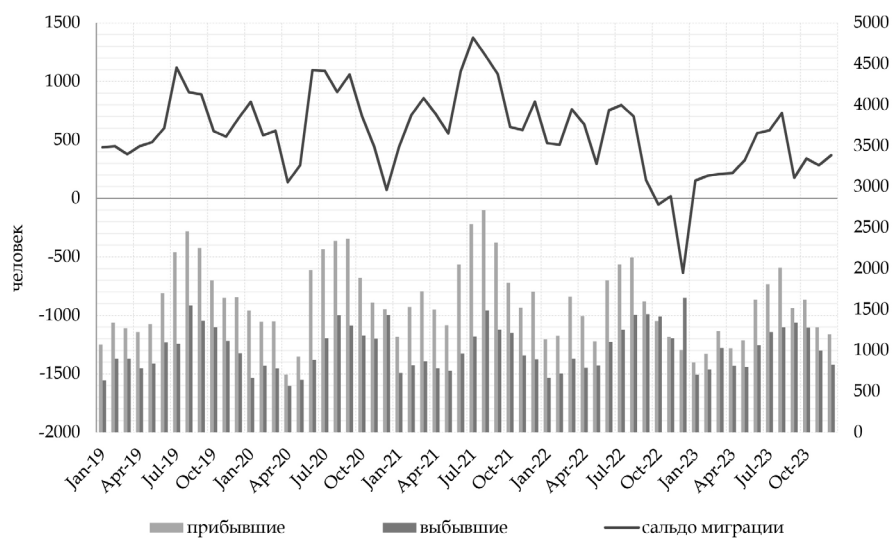
Начиная с 2022 г. в динамике миграционного прироста фиксируются негативные изменения: сальдо межрегиональной миграции сократилось на 45 %, а международной — на 60 % (см. рис. 1). Наиболее резко в 2022 г. уменьшился миграционный оборот внутри области (на 15 % относительно 2019 г.), а в 2023 г. уже все основные направления миграции (кроме стран дальнего зарубежья) демонстрировали сокращение интенсивности миграционного оборота на 15–18 %.

Для более тщательного анализа влияния изменения внешних и внутренних условий развития региона рассмотрим ежемесячную динамику миграционных процессов в области.

В динамике *межрегиональной миграции* традиционно наблюдается сезонность: пик миграционного прироста приходится на летние месяцы. При этом летний пик в наиболее благоприятные для региона годы захватывал и начало осени. Однако на графиках (рис. 2) отчетливо прослеживаются отхождения от привычных траекторий в 2020, 2021 и 2022–2023 гг. В 2020 г. фиксировалось значительное снижение миграционного прироста в апреле — мае по причине введения локдауна в стране. Однако отложенные в этот период переезды в регион, дополненные переездами по причинам, значение которых возросло в период локдауна (например, природно-климатические и экологические), осуществились уже в июне. Так, летний пик в 2020 г. оказался более продолжительным, чем в 2019. Следующий 2021 г. «подарил» региону дополнительный пик увеличения миграционного прироста — малый весенний (в марте — апреле), который сказался на общей статистике миграционного сальдо в регионе. Калининградская область достигла рекордных за всю постсоветскую историю значений миграционного прироста. Заложенная в этот год сезонность (наличие малого весеннего и большого летнего пиков) сохранилась и в 2022 г., несмотря на начало СВО России на Украине. За январь — август 2022 г. в среднем объем прибытий соответствовал доковидному 2019 г. Однако начиная с сентября 2022 г. в регионе фиксируется максимальное падение положительного сальдо миграции, которое впервые за рассматриваемый период сменяется убылью в октябре и декабре. При этом основной вклад пришелся на более чем 30 %-ное сокращение прибытий в регион из других субъектов РФ, и только в декабре вклад выбытий возрос. Это позволяет

предположить, что первоначально ведущую роль сыграло изменение личностных установок жителей страны — смена места жительства в пределах России уступила место иным, более важным приоритетам. К концу 2022 г. сказалось ухудшение ситуации в импортозависимой экономике региона как по причине осложнения логистики (18 июня 2022 г. Литва запретила транзит подсанкционной продукции по своей территории), так и ухода зарубежных компаний, а также других условий ведения хозяйственной деятельности в эксклаве. Последовавший в январе 2023 г. «отскок» в зону положительного сальдо миграции вернул привычную 2019 г. сезонность траектории показателя с одним летним пиком, однако с более низкой интенсивностью по причине значительного сокращения числа прибытий в регион.

Рис. 2. Прибывшие, выбывшие, сальдо межрегиональной миграции:

левая вертикальная ось — сальдо миграции, человек;

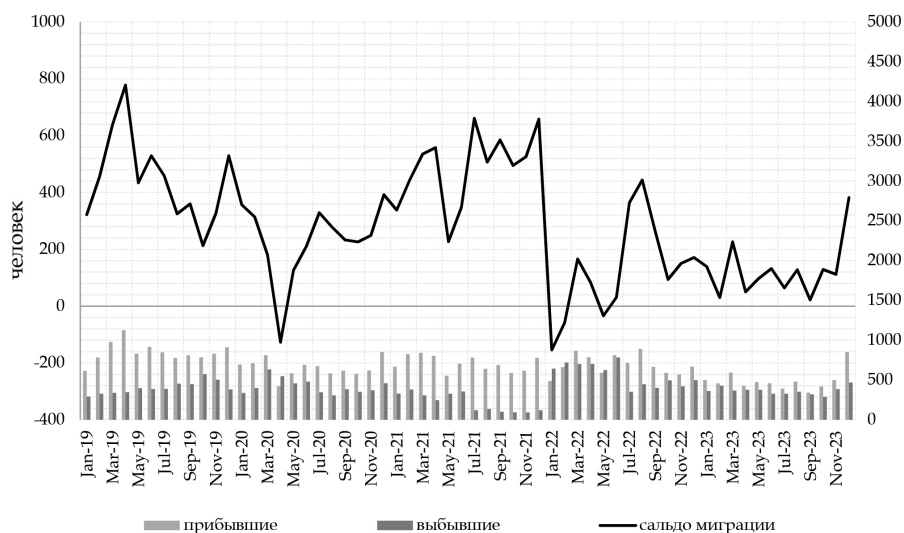
правая вертикальная ось — число прибывших и выбывших, человек

Источник: Калининградстат.

В изменении помесечных объемов прибытий, выбытий и сальдо миграции со странами СНГ также присутствует сезонная цикличность, но менее явная (рис. 3). В 2019 г. отмечался единственный пик миграционной активности, приходящийся на первые весенние месяцы. Однако уже в 2020 г. этот период характеризовался миграционной убылью, главным образом, по причине спада числа новых регистраций (почти в 2 раза за апрель — май 2020 г.). Но начиная с июля 2020 г., когда с 16 июня было возобновлено течение сроков разрешений на работу, привлечение иностранных работников и патентов, общий помесечный тренд выровнялся с 2019 г.

Рис. 3. Прибывшие, выбывшие, сальдо миграции со странами СНГ:

левая вертикальная ось – сальдо миграции, человек;
 правая вертикальная ось – число прибывших и выбывших, человек

Источник: Калининградстат.

В 2021 г. также как и межрегиональной миграции, обмен со странами СНГ были присущи два пика миграционной активности: в весенние месяцы, и длительный плоский пик, охватывающий период с июля до конца 2021 г. Основной причиной этому стало сокращение числа выбытий во второй половине года (июль – декабрь 2020 г. составил 25 % от аналогичного периода 2019 г.). Как отмечают эксперты [13], это было обусловлено действием Указа Президента РФ¹, продлевающего сроки регистрации в России иностранных граждан из-за последствий пандемии COVID-19. Таким образом, выбытия, не попавшие в учет в 2021 г., были избыточно учтены в начале 2022 г. С другой стороны, в 2021 г. в области отмечался строительный «бум» – регион занял вторую позицию среди всех субъектов РФ после Ленинградской области по показателю душевых объемов ввода жилья². Поэтому основанием для невыезда мигрантов из региона в 2021 г. могли послужить и возможности заня-

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента Российской Федерации от 15.06.2021 г. №364. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ввод в действие жилых домов по регионам Российской Федерации // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vvod_jil_dom_RF.xls (дата обращения: 19.03.2024).

тости в регионе, прежде всего, в строительстве, но также и в сферах, ориентированных на возросшее внутреннее потребление по причине притока туристов.

По обозначенным выше причинам влияние начала СВО России на Украине в феврале 2022 г. в статистике учета миграции проследить практически невозможно. В целом ежемесячный объем выбытий из региона в направлении стран СНГ в первом полугодии 2022 г. превышал значения 2019 г. в 2 раза, что сказалось на снижении сальдо миграции до отрицательных значений. Приблизительно оценить объем «чистых» выбытий в первые шесть месяцев 2022 г. можно усреднив ежемесячные значения за июль 2021 г. — июнь 2022 г. с коэффициентом 1,3 для второй половины 2021 г., поскольку активность выбытий во второй половине года, согласно данным 2019 г., в 1,3 раза выше, чем в первой. Оценочно объем выбытий за январь — июнь 2022 г. составил 2,1 тыс. человек, что примерно соответствует значению 2019 г., или без поправочного коэффициента — 2,4 тыс. человек. Таким образом, избыточные выбытия в первом полугодии 2022 г. составили до 300 человек. Поэтому наиболее важное значение в этот период оказало сокращение прибытий в регион. В отличие от межрегиональных мигрантов, международные оказались более чуткими к изменениям вокруг региона: и уже в апреле — мае 2022 г. число прибытий сократилось на треть от значений 2019 г. В последующем в сальдо миграции фиксируется летний пик, связанный с отскоком повышенных объемов выбытий вниз к привычным значениям (2019 г.) и небольшим ростом числа прибытий. Во второй половине 2022 г. он сменяется очередным сокращением сальдо миграции опять по причине уменьшения числа прибытий (-28 % к 2019 г.), при этом роста числа выбытий в данный период не фиксировалось. Поэтому можно утверждать, что частичная мобилизация в сентябре 2022 г. как фактор, выталкивающий мигрантов за рубеж, не отразилась на данных официальной статистики о постоянной миграции населения.

Эта тенденция сохранилась и в 2023 г., что может быть следствием нескольких причин: негативного влияния военных и геополитических факторов, снижения экономической целесообразности работы в России в целом и в Калининградской области в частности, (поскольку в статистику о постоянной миграции также попадают трудовые мигранты), в том числе на фоне растущей конкуренции за трудящихся-мигрантов со стороны других стран макрорегиона (Казахстана, Китая, ОАЭ и др.

Миграционный обмен населения региона со странами дальнего зарубежья традиционно имеет низкое значение для области. В его динамике в целом отсутствует сохраняющаяся из года в год сезонность (рис. 4). На изменении графика сальдо миграции наиболее заметно влияние пандемии COVID-19, когда оно находилось в зоне отрицательных значений на протяжении всего 2020 г. по причине сокращения числа прибытий в весенние месяцы на 60 %. С началом СВО России на Украине изменение сальдо миграции с другими странами демонстрирует большую амплитуду, практически весь 2022—2023 г. находясь в зоне положительных значений. Исключением стали май — июнь 2022 г. по причине возросшего

числа выбытий. Максимумы миграционного прироста связаны главным образом со значительным увеличением числа прибытий во второй половине 2022 г. и 2023 г. (в 1,2 и 1,6 раза соответственно относительно 2019 г.), и в меньшей степени — сокращением числа выбытий (–30 % относительно 2019 г.).

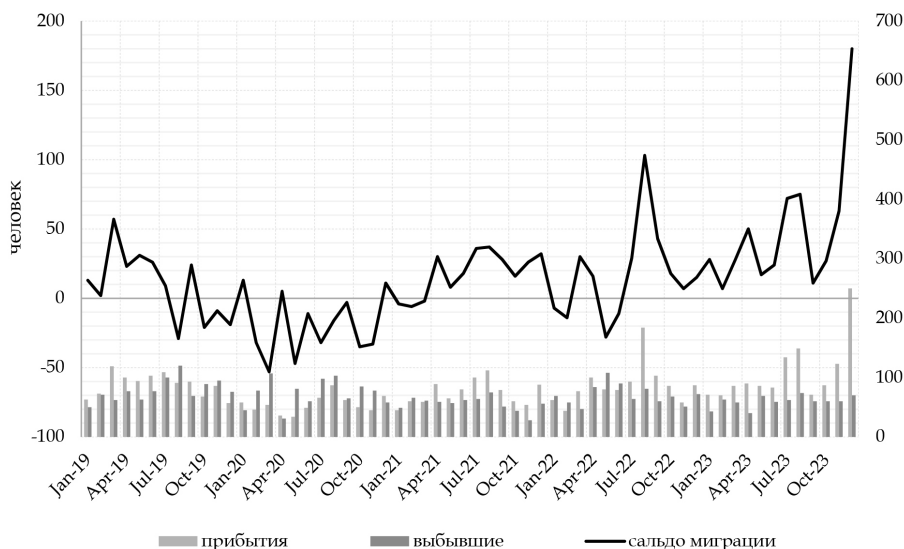

Рис. 4. Прибывшие, выбывшие, сальдо миграции с другими странами: левая вертикальная ось — сальдо миграции, человек; правая вертикальная ось — число прибывших и выбывших, человек

Источник: Калининградстат.

Внутрирегиональная миграция населения обладает меньшей сезонностью (коэффициент вариации равен 22 % за 2019–2023 гг.), некоторое повышение активности отмечается с июня по октябрь, с проседанием в июле (рис. 5). Отклонения в графиках присущи периоду локдауна в 2020 г. (апрель–май) — число мигрантов сократилось в 2 раза, но быстро вернулось к обычным показателям. Также, как и в межрегиональной миграции, в 2021 г., а затем и 2022 г. отмечался дополнительный малый весенний «пик». Отлична и осенне-летняя динамика 2022 г.: основной летний «пик» после снижения в июле 2022 г. так и не поднялся, что, вероятно, связано как с ухудшением экономической ситуации, так и с объявленной мобилизацией населения в сентябре. То есть реакция внутрирегиональных миграционных потоков на изменение внешних и внутренних условий в виде сокращения интенсивности прибытий / выбытий была постепенной, и проявилась только в июле 2022 г. Важно отметить и то, что, хотя интенсивность перемещений в 2023 г. оставалась ниже значений 2019 г., сам график в целом оказался схож с допандемийным годом. Это свидетельствует о нормализации внутрирегиональных миграционных процессов.

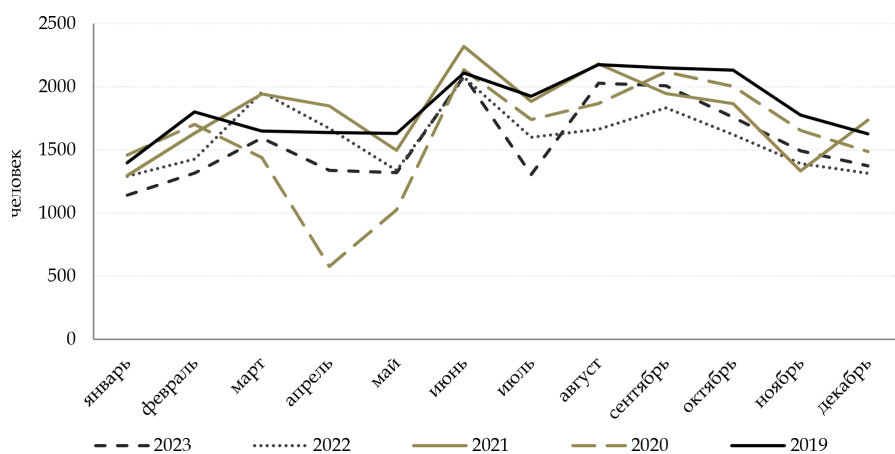

Рис. 5. Прибывшие / выбывшие внутри региона

Источник: Калининградстат.

Распределение потоков по территории области.

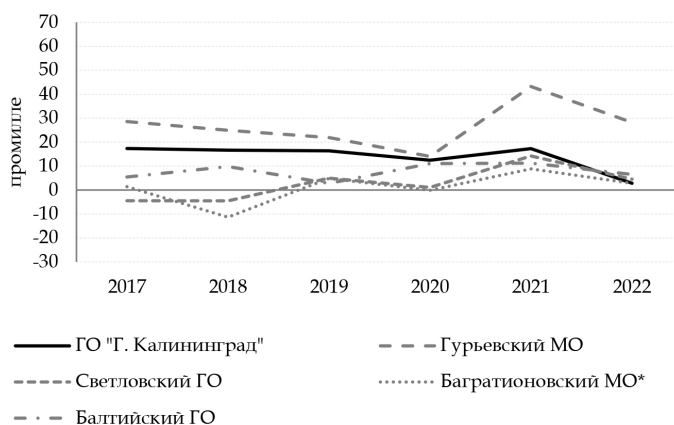
Миграционная обстановка в муниципалитетах области претерпела значительные изменения. Ограничения 2020 г. наиболее сильно сказались на региональной столице — Калининграде — и примыкающих промышленных округах, курортном городе Пионерском. Миграционный прирост здесь сократился, а в Багратионовском муниципальном округе (далее — МО) (включая Ладушкин и Мамоново) он сменился убылью. На востоке области отрицательную динамику в 2020 г. демонстрировали только два промышленных города: второй по численности населения области Советск и меньший по размеру Гусев. Очевидно, что концентрация наиболее пострадавшей в пандемию COVID-19 сферы услуг, ориентированной на обслуживание городских функций, а также промышленности, в 2020 г. где было зафиксировано падение [28], и наименее благоприятная экологическая обстановка обусловили негативные тенденции в изменении миграционных процессов, прежде всего, значительном снижении числа прибытий как из других округов области, так и из-за ее пределов.

Напротив, положительная динамика в этот период была присуща приморским округам курортно-рекреационной специализации (за исключением Пионерского), дальнему пригороду и большинству муниципалитетов периферийной зон. При этом, если в первом случае ключевое значение оказал рост интенсивности прибытий (как внешних, так и внутренних в результате субурбанизации), то во втором — сокращение внутрирегиональной убыли. Популярность приморских территорий обусловлена ростом спроса на загородную жизнь и распространением удаленной занятости. Для периферии, вероятно, значимым оказались специализация на сельском хозяйстве, наименее пострадавшем в период ограничений 2020 г. [28].

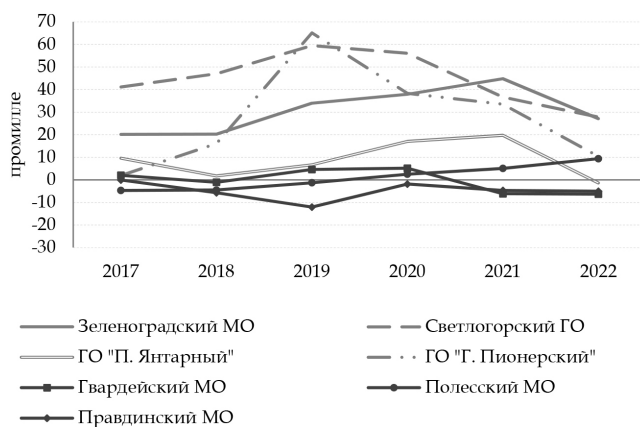
Изменения миграционной обстановки в 2022 г. имеют ряд отличий и сходств с ситуацией в 2020 г. Так же как и в пандемию COVID-19, максимальное сокращение сальдо миграции было характерно для областного

центра (рис. 6). Ведущую роль здесь сыграло уменьшение числа прибытий, главным образом, из других регионов России и других муниципалитетов области. Неопределенность в дальнейших планах в связи с началом СВО России на Украине и ухудшением социально-экономической ситуации в стране, очевидно, способствовала изменению миграционных намерений граждан относительно смены места жительства. Рост выбытий за рубеж из Калининграда с учетом поправок на продление сроков действия разрешительных документов в 2021 г. в целом не превышал среднегодовые значения для рассматриваемого периода. Это позволяет предположить, что доля избыточных выбытий в 2022 г. оказалась невысока.

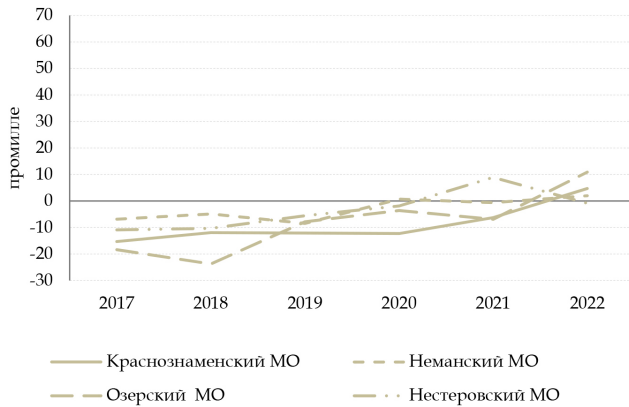

а

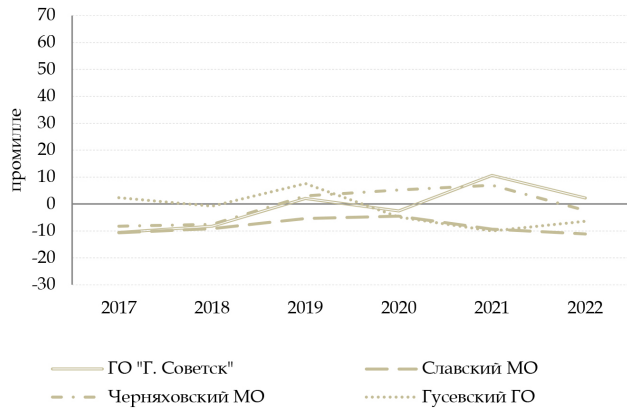

б

Рис. 6. Коэффициент сальдо миграции населения по муниципальным образованиям Калининградской области (зонирование выполнено согласно [32]): а – областной центр и ближняя пригородная зона промышленной специализации; б – ближняя пригородная зона рекреационно-курортной специализации и дальняя пригородная зона; в – периферийная зона (рост в 2022 г. относительно 2019 г.); г – периферийная зона (убыль в 2022 г. относительно 2019 г.) (начало, окончание на с. 48)

б

г

Рис. 6. Коэффициент сальдо миграции населения по муниципальным образованиям Калининградской области (зонирование выполнено согласно [32]): а – областной центр и ближняя пригородная зона промышленной специализации; б – ближняя пригородная зона рекреационно-курортной специализации и дальняя пригородная зона; в – периферийная зона (рост в 2022 г. относительно 2019 г.); г – периферийная зона (убыль в 2022 г. относительно 2019 г.) (окончание, начало на с. 47)

Примечание: Багратионовский МО включает Ладушкинский и Мамоновский городские округа.

Источник: База данных показателей муниципальных образований. Калининградская область. 2024. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst27 (дата обращения: 23.03.2024).

Сокращение сальдо миграции в 2022 г. также характерно для промышленных муниципалитетов ближней пригородной зоны – Багра-

тионовского МО и в меньшей степени Светловского городского округа (далее — ГО) (рис. 6, а). В Багратионовском МО решающее значение сыграло сокращение числа прибывших из стран ближнего зарубежья на фоне заметного снижения уровня реальной заработной платы [28]. В Гурьевском МО коэффициент сальдо миграции оставался на среднем уровне в 2011 — 2022 гг.

В отличие от 2020 г. миграционный прирост курортно-рекреационных округов области в 2022 г. значительно уменьшился (рис. 6, б). Так, в Светлогорском ГО он оказался минимальным с 2013 г., а в Янтарном ГО сменился убылью впервые с 2016 г. Очевидно, что в 2022 г. прежние стимулы миграции, обусловленные улучшением условий проживания, уступили место другим мотивам (экономическим, политическим и др.). Иная ситуация сложилась в приморском Балтийском ГО, миграционные процессы в котором подвержены в большей степени влиянию перемещения военнослужащих и их семей.

В дальней пригородной зоне положительное изменение сальдо миграции отмечалось только в Полесском МО вследствие заметного уменьшения оттока внутри региона (в направлении Калининграда и прилегающего Гурьевского МО), а также по России (рис. 6, б). Это может объясняться сохранявшейся положительной динамикой в производственном секторе экономики, основу которой составляет пищевая промышленность. В Гвардейском и Правдинском МО сохранялась миграционная убыль населения вследствие оттока в областной центр. В Гвардейском МО в этот год, в отличие от предыдущих, приток мигрантов из других регионов РФ и стран ближнего зарубежья перестал играть компенсирующую роль полностью, а в Правдинском — в значительной степени. При этом Гвардейский МО оказался в числе наиболее пострадавших от введенных в 2022 г. санкций на металлургию и ухода зарубежных компаний.

Миграционная обстановка в периферийной зоне (рис. 6, в, г) в 2022 г. была различна: в четырех наиболее удаленных от областного центра приграничных муниципалитетах (Краснознаменский, Неманский, Озерский, Нестеровский) сальдо миграции впервые за продолжительное время стало положительным (в Нестеровском МО убыль приблизилась к нулю); в трех муниципалитетах (Черняховском, Славском, Гусевском), напротив, миграционная убыль сменила прирост или значительно возросла; в Советском ГО миграционный прирост примерно соответствовал значениям 2019 г.

Для первой группы (рис. 6, в) главную роль сыграло сокращение внутрирегионального оттока, как по направлению областного центра (в том числе через муниципалитеты дальней пригородной зоны), так и в рамках перераспределения населения на востоке области [22], и в меньшей степени — рост числа прибытий из других регионов России и стран ближнего зарубежья. Это можно объяснить нарастанием «ловушек бедности» вследствие заметного снижения уровня доходов, особенно в Озерском и Нестеровском МО (разрыв в размере среднемесячной заработной платы с Калининградом вырос в 1,5–1,6 раз от-

носителем 2019 г.¹), или исчерпанию миграционного потенциала. Так, численность населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста Краснознаменского МО сократилась по сравнению с 2011 г. на 20 % (до 8,3 тыс. человек), а Неманского — на 27 % (до 11,2 тыс. человек)². Определенное значение также могут иметь и факторы инвестирования в создание новых рабочих мест в рамках Комплексной программы «Восток» и реализация крупного проекта Росатома по строительству производства литий-ионных батарей в Неманском МО, а также снижение привлекательности локальных центров на востоке области (Гусева и Советска).

Во второй группе периферийных округов (рис. 6, з) в 2022 г. оказался Гусевский ГО, который сохранил негативные тенденции, проявившиеся в 2020 г. Здесь продолжил иссякать входящий поток мигрантов, сократившийся к 2019 г. на треть. Для Славского и Черняховского округов ухудшение миграционной обстановки также связано с сокращением числа прибытий. При этом в Черняховском МО, более привлекательном для внутренних мигрантов, чем Славский, критическим стало сокращение притока из соседних округов восточной части области, который прежде компенсировал отток в областной центр. В Славском восполняющую роль перестала играть межрегиональная миграция и миграция со странами СНГ.

В 2022 г. относительно 2019 г. на 20 % возросла интенсивность внутренних миграционных потоков между муниципалитетами ранее выделенных нами центров интенсивного миграционного взаимодействия [22]: «запад» и «восток» (в западной и восточной частях области соответственно), отделенные друг от друга «буферной зоной» (в составе муниципалитетов дальней пригородной зоны), однако, между собой эти центры остаются связаны крайне слабо (рис. 7). Зонирование выполнено согласно [22] центр «запад» в составе муниципалитетов Калининградской агломерации: г. Калининград, Гурьевский, Зеленоградский, Светлогорский, Пионерский, Светловский, Янтарный, Мамоновский, Багратионовский, Ладушкинский и Балтийский округа; центр «восток»: в составе муниципалитетов периферийной зоны: Славский, Гусевский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Черняховский округа и г. Советск; буферная зона в составе муниципалитетов дальней пригородной зоны: Полесский, Гвардейский и Правдинский округ.

В 2020 г. был отмечен рост миграционного взаимодействия в пределах центра «запад», обусловленного преимущественно субурбанизацией, и сокращением взаимодействия внутри буферной зоны и через нее с центром «восток».

¹ Среднемесячная заработная плата работников организаций, без субъектов малого предпринимательства // Калининградстат. 14.03.2024. URL: https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/03_02%20Среднемесячная%20зарплата%202023.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

² База данных показателей муниципальных образований. Калининградская область. 2024. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.asp?base=munst27 (дата обращения: 23.03.2024).

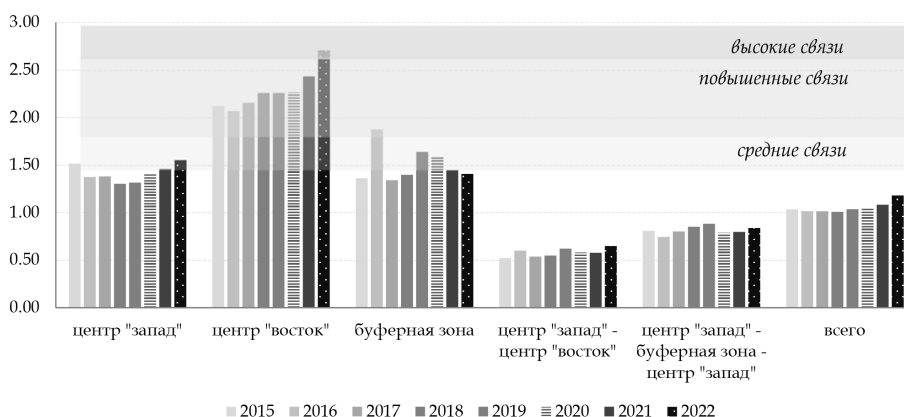

Рис. 7. Коэффициент интенсивности миграционных связей между муниципальными образованиями Калининградской области

Источник: Фондовые материалы Калининградстат по статистической форме t_pt2n – «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия».

Заключение

Исследование показало, что миграционная ситуация в Калининградской области переживает «шторм»: после сокращения интенсивности в период борьбы с пандемией COVID-19 в 2020 г. последовал резкий подъем, сменившийся в 2022–2023 гг. резким падением. Амплитуда коэффициента сальдо миграции составила 9,7%, коэффициент вариации – 42%.

Период наиболее значимых ограничений из-за пандемии COVID-19 в 2020 г., с одной стороны, ознаменовался перманентным снижением интенсивности миграционных потоков в весенние месяцы, с другой стороны, это способствовало сокращению оттока на востоке области, а в западной части региона наблюдалось перераспределение населения из областной столицы в направлении пригородов и приморской зоны. Актуализация неэкономических факторов миграции в ковидный период положительно сказалась на интенсификации входящих миграционных потоков извне практически во всех муниципалитетах области уже в 2021 г.

Реакция международных и межрегиональных миграционных процессов на изменение условий развития региона и страны в целом в 2022 г. была различна вследствие разных факторов: в первом случае сильное влияние оказывают экономические факторы, во втором – факторы качества жизни. Так, входящие потоки межрегиональной миграции начали сокращаться только в четвертом квартале 2022 г., когда намерения о смене места жительства перешли на второй план в семейных стратегиях населения России, а исходящие – только с декабря 2022 г., когда негативные явления в экономике «набрали» критическую массу. Миграци-

онные потоки со странами СНГ продемонстрировали более быструю реакцию — уже в апреле отмечалось 30 % сокращение входящего потока. Влияние миграционных потоков со странами дальнего зарубежья на общую миграционную ситуацию остается несущественным, даже несмотря на рост интенсивности миграционного прироста. Снижение значимости «новых» факторов (неэкономических) на миграционные процессы отчетливо прослеживалось и на локальном уровне в западной, экономически более развитой, части области: миграционная привлекательность приморской зоны как для внешних, так и для внутренних мигрантов в 2022 г. значительно сократилась, процессы субурбанизации замедлились. Областной центр дополнительно испытал на себе снижение экономической привлекательности для мигрантов — сократились входящие потоки и из стран СНГ, и из других округов области. Муниципалитеты восточной части региона сохраняли свою обособленность в миграционном взаимодействии от западной [22]. На востоке области, в целом выигравшем от снижения интенсивности оттока в центр, проявились территориальные различия по линии устойчивости к кризисным явлениям, ознаменовавшие перераспределение внутренних потоков в направлении периферии из Гусева и Советска, ранее выступавших локальными центрами аттракции мигрантов на востоке области.

Заглядывая вперед, можно предположить, что при выравнивании социально-экономической ситуации в регионе обусловленный неэкономическими причинами приток из других регионов РФ опять возрастет, однако, это будет касаться в большей степени населения старших возрастных групп. Направлен он будет, как и прежде, в приморскую зону, где сохраняется миграционная емкость территории. Нельзя исключать и увеличение притока трудоспособного населения, занятого удаленной работой, креативного, творческого. Но все это возможно только при достаточном внимании к региону со стороны федерального центра, в том числе к его транспортной доступности, снижению экономических и геополитических рисков его развития, военной напряженности вокруг эксклава, содействии развитию социальной инфраструктуры. В случае реализации данного сценария можно ожидать восстановление докризисной (2019 г.) миграционной ситуации в регионе, то есть ее перезагрузки. В противном случае экономические причины миграции, вышедшие на первый план ближе к концу 2022 г., продолжат доминировать и во внешних, и во внутренних миграционных потоках, что будет означать трансформацию миграционной ситуации с превалированием выталкивающих факторов миграции (особенно для трудоспособного населения) над притягивающими.

Сегодня же в условиях сокращения внешнего миграционного saldo необходимо активизировать усилия по созданию условий для внутреннего перераспределения населения. С этой целью важно сокращать разрывы в размере оплаты труда на периферии и в центре, строить доступное жилье, наращивать инвестиции в социально-экономическое развитие дальней пригородной и периферийной зон.

Список литературы

1. *Архипова Н. И., Васютина Е. С., Чавыкина М. А.* Миграционные процессы: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2023. №4. С. 8–25.
2. *Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В.* Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. №1 (28). С. 50–54.
3. *Скородумова О. Б., Табасаранский Р. С.* Миграция как фактор трансформации современного общества // Манускрипт. 2021. №14 (6). С. 1180–1184.
4. *Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В.* Миграция: основные тренды января – февраля 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. №28 (6). С. 58–61.
5. *Шустов А. В.* Миграции между Россией и странами СНГ в условиях эпидемии COVID-19: структурные изменения // Общество в условиях социального разобщения: новые практики в образовании, бизнесе, коммуникациях и потреблении : материалы междунар. науч.-практ. конф. Ярославль, 2021. С. 45–51.
6. *Красинец Е. С.* Трудовая иммиграция в период пандемии коронавируса и ее последствия в социально-экономическом развитии современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. №17 (1). С. 21–31.
7. *Маевский Д. П.* Роль пандемии COVID-19 в трансформации масштабов и причин миграции населения стран ЕАЭС в Россию // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2021. №19 (3). С. 132–140.
8. *Масланов К. Д., Тарасова Д. А.* Миграционные потоки из стран Центральной Азии: новые вызовы и возможности // Россия и новые государства Евразии. 2023. №1 (58). С. 152–160.
9. *Молдован А. А.* Влияние Российской миграции на экономику стран-доноров в 2022 году на примере Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана и Грузии // Московский экономический журнал. 2023. №8 (10).
10. *Ташиева В. В.* Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2022. №24 (3). С. 460–479.
11. *Щербакова Е. М.* Миграция в России, предварительные итоги 2022 года. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2023).
12. *Пясецкая Е. Н., Федоринова А. В.* Анализ миграционной ситуации в Курской области // Политика, экономика и инновации. 2022. №6 (47). С. 1–14.
13. *Ефремов И. А.* Предварительные итоги международной миграции населения в России в 2022 г. // Экономическое развитие России. 2023. №6 (30). С. 64–66.
14. *Красинец Е. С., Герасимова И. В.* Трансформация процессов внешней трудовой миграции в период распространения инфекции COVID-19 // Народонаселение. 2020. №23 (4). С. 161–171.
15. *Шевцова Е.* Сегодня и завтра миграционного обмена между российскими регионами и странами ЕАЭС в условиях пандемии: аналитический доклад экспертного клуба «Сибирь-Евразия». URL: https://siu.ranepa.ru/news/img/Новый%20сайт/Аналитический%20доклад_миграция_Сибирь-Евразия.pdf (дата обращения: 21.09.2023).
16. *Рязанцев С., Гневашева В.* Международная миграция и рынки труда в пандемию COVID-19 // Международные процессы. 2021. №4 (67). С. 89–103.

17. Петрова О. В., Литвиненко А. Н. Трансформация миграционных процессов в России в условиях пандемии: административно-правовой и экономический аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2021. №14 (5). С. 24 – 35.

18. Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М. «Зависшие на границах» между Россией и родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. №3. С. 45 – 58.

19. Зорин В. Ю., Волох В. А., Суворова В. А. Трансформация миграционной политики государств в период пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №26 (3). С. 34 – 44.

20. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. Вопросы экономики. 2023. №8. С. 5 – 37.

21. Yemelyanova L. L., Lyalina A. V. The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19 // Baltic Region. 2020. №12 (4). P. 61 – 82.

22. Лялина А. В., Волошенко К. Ю., Новикова А. А., Фарафонова Ю. Ю. Миграционная связанность Калининградской области с другими регионами России в эпоху геополитической турбулентности // Глобальные вызовы демографическому развитию. 2022. С. 403 – 419.

23. Лялина А. В. Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области // Региональные исследования. 2023. №3. С. 65 – 80.

24. Лялина А. В. Глава 9. Роль миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов региона // Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2021. С. 156 – 162.

25. Лялина А. В. Глава 5. Миграция сельского населения // Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2022. С. 64 – 75.

26. Рыбаковский Л. Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск, 1969.

27. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973. С. 147.

28. Voloshenko K. Yu., Lialina A. V. Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions // Baltic Region. 2022. №14 (3). P. 102 – 128.

29. Shchekoturov A. V., Krishtal M. I., Zimovina E. P. Media images of Kaliningrad region in the structure of migration attitudes of millennials and the reform generation // Baltic Region. 2021. №13 (1). P. 165 – 182.

30. Волошенко К. Ю., Фидря Е. С., Лялина А. В. и др. Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. №5 (117).

31. Лялина А. В. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 85 – 106.

32. Fedorov G. M., Kinder S., Kuznetsova T Yu. The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends // Baltic Region. 2021. №13 (4). P. 129 – 146.

Об авторах

Лялина Анна Валентиновна — канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8479-413X

Плотникова Ангелина Петровна — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5502-8866

Ксения Юрьевна Волошенко — канд. экон. наук, директор центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2624-0155

A. V. Lialina, A. P. Plotnikova, K. Yu. Voloshenko

MIGRATION TRANSFORMATION OR REBOOT: KALININGRAD EXCLAVE OF RUSSIA IN NEW CONDITIONS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 April 2024

Accepted 18 May 2024

doi: 10.5922/vestniknat-2024-2-3

To cite this article: Lialina A. V., Plotnikova A. P., Voloshenko K. Yu., 2024, Migration transformation or reboot: Kaliningrad exclave of Russia in new conditions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural Sciences*, №2. P. 33–56. doi:10.5922/vestniknat-2024-2-3.

Migration processes in Russian regions are developing under the influence of rapidly changing external and internal conditions. Initially, these were associated with the containment of the COVID-19 pandemic in 2020, followed by overcoming its consequences in 2021, and finally, changes in foreign policy interactions and sanction wars that intensified in 2022. The Kaliningrad region, located on the western borders of the country and surrounded by now hostile countries belonging to the NATO bloc, today faces not only increasing foreign policy risks but also a significantly more serious deterioration of the economic situation compared to many other Russian territories due to its strong dependence on imports and transit. Once highly attractive to migrants, this coastal region is rapidly losing its appeal amid the transformation of migration factors. Are these changes fundamental or temporary? This question forms the basis of the present article. The authors, tracing the monthly dynamics of external and internal migration, attempt to identify and substantiate the most striking manifestations of migration processes' responses to changing external and internal conditions from 2020 to 2023. Data from Rosstat and operational data from Kaliningradstat, including those obtained upon request, were used. The study showed that changes in the migration situation at both the

regional and local levels are primarily associated with the weakening of the “sea” and environmental factors and the increasing influence of other factors, mainly economic and geopolitical. In the context of stabilizing the socio-economic situation in the region and the country as a whole, the migration attractiveness of the Kaliningrad region will rise again. However, given the reduction in migration potential in most regions of the Russian Federation, it is likely to concern only certain categories of migrants (for example, retirees).

Keywords: migration, pandemic, COVID-19, geopolitical risks, internal migration, repatriants, Kaliningrad region

The authors

56

Dr Anna V. Lyalina, Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: anuta-mazova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8479-413X

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5502-8866

Dr Ksenia Yu. Voloshenko, Director of the Center for Social and Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru
ORCID: 0000-0002-2624-0155